
СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БИБЛЕИЗМОВ В ТВОРЧЕСТВЕ В.В. МАЯКОВСКОГО

К.Н. Дубровина

Кафедра общего и русского языкознания
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье описываются особенности стилистического использования библеизмов в произведениях В.В. Маяковского. Анализируются стилистические приемы употребления библейских оборотов как без трансформации, так и в трансформированном виде, а также рассматривается образование индивидуально-авторских выражений, созданных на основе или по модели библейских изречений.

Ключевые слова: образ, библеизм, стилистическое использование, стилистическая окраска, стилистический парадокс, трансформация.

Когда говоришь об огромном количестве библейских оборотов, образов, сюжетов в произведениях В.В. Маяковского, многие недоумевают: «Еда и Саул во пророцех?» А между тем использование поэтом библейских метафор, символов, аллегорий, образных выражений вполне объяснимо: с одной стороны, Маяковский, как и все учащиеся в дореволюционной православной России, изучал в Кутаисской гимназии Закон Божий, т.е. был знаком с Библией, особенно с Новым Заветом, а с другой стороны, анархистски-бунтарские настроения его раннего творчества, страстная революционная устремленность и богоборческие мотивы в произведениях более зрелого возраста объясняют причины обращения поэта к Священному Писанию.

Рассмотрим только малую часть библейских оборотов и образов, использованных в произведениях Маяковского.

Прежде всего отметим, что большинство БФ обладает высокой стилистической окраской и принадлежит преимущественно к книжному стилю, так как в русский язык библейские обороты попадали в основном из церковнославянского текста Библии, чем и объясняется наличие в их составе большого количества старославянизмов.

Хотелось бы отметить, что употребление БФ в произведениях В.В. Маяковского не всегда мотивировалось желанием достичь сатирического или комического эффекта. Иногда характер общей тональности контекста делает просто невозможным употребление стилистически сниженных оборотов. Так, в лирической поэме «Облако в штанах» (1914–1915) поэт использовал такие мотивы, как конфликт героя и современности, отрицание общеприня-

тых истин, беззащитность любви. Поэма является своеобразным криком отчаяния поэта. Пафос личной драмы достигается благодаря использованию образности и метафоричности БФ.

Например, оборот *терновый венец* (здесь и далее курсив мой. – К.Д.) встречается в Библии как свободное словосочетание: «Воины отвели Его внутрь двора, то есть в преторию, и собрали весь полк, и одели Его в багряницу, и, сплетши *терновый венец*, возложили на Него; и начали приветствовать Его: радуйся, Царь Иудейский!» (Мар. 15:16–19).

У Маяковского же в результате метафоризации этого словосочетания появился БФ *терновый венец* как символ мученичества и страданий, оправданных высокими целями. А сам поэт принимает образ мученика во имя светлых идей:

Я, обсмеянный у сегодняшнего племени,
... Вижу идущего через горы времени,
Которого не видит никто.

Где глаз людей обрывается куцый,
Главой голодных орд,
В терновом венце революций
Грядет шестнадцатый год.

А я у вас – его предтеча;
Я – где боль, везде;
На каждой капле слезовой течи
Распял себя на кресте.

(*Облако в штанах*, 1914)

Поэт свято верил в революцию, верил, что только она способна через муки очистить Россию и сделать ее земным раем.

Во время своего «газетного» периода, как называл его сам В.В. Маяковский, поэт не раз в своих лозунгах использовал библейские обороты. Например:

Эй, крестьяне!
Подработник, ей!
Что делаешь, делай скорей!

(*Главполитпросвет*,
№ 306б, 1921)

БФ *Что делаешь, делай скорей* восходит к Новому Завету, к Евангелию от Иоанна. Во время тайной вечери Иисус предсказал, что один из Его уче-

ников предаст Его. Тогда другой из них «припадши к груди Иисуса, сказал Ему: Господи! кто это? Иисус отвечал: тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам. И обмакнув кусок, подал Иуде Симонову Искароту. И после сего куска вошел в него сатана. Тогда Иисус сказал ему: *что делаешь, делай скорее*» (Иоан. 13:25–27).

В Евангелии слова Иисуса имеют скрытый подтекст, тайный смысл, понятный только Ему и Иуде. А В.В. Маяковский использует этот оборот в прямом, буквальном смысле как призыв к крестьянам работать быстрее, интенсивнее.

Как уже было отмечено, большинство БФ обладает высокой стилистической окраской. Архаические и стилистически возвышенные БФ используются В.В. Маяковским для создания приема, называемого стилистическим парадоксом [2. С. 102]. Например:

Все хорошо.
Но больше всего
Мне понравилось – это:

Это белее лунного света,
Удобней, чем *земля обетованная*,
Это – да что говорить об этом,
Это – ванная.

(*Рассказ литейщика Ивана Козырева
о вселении в новую квартиру, 1928*)

Мы видим, что В.В. Маяковский в описании такого прозаического явления быта, как ванная комната, использует БФ высокого стиля *земля обетованная* в его общеупотребительном значении ‘место, куда кто-либо страстно мечтает попасть, место, где царит довольство, изобилие и счастье’. В результате стилистического несоответствия возникает комический эффект. Ценностям духовным противопоставляется материальный комфорт.

Надо сказать, что отсутствие здесь сарказма, присущего произведениям Маяковского, вызвано тем, что данный БФ используется как особый образ, овеществленный в ванной и свидетельствующий о заботе советской власти о простом труженике. Можно сказать, что именно высокая стилистика рассматриваемого БФ усиливает пафос утверждения нового образа жизни при конкретном бытовом содержании данного произведения.

В качестве стилистического парадокса можно привести и такой пример:

Жена, да квартира, да счет текущий –
вот это – отечество, *райские кущи*.

(*Хорошо!*, 1927)

Выступая с резкой критикой мещанства, «квартирного мирка», поэт для усиления сатирического эффекта использует БФ высокого стиля *райские кущи*, имеющий значение ‘необыкновенно красивый, уютный, привлекательный уголок’.

Один из трех великих иудейских праздников – это праздник *кущей*, установленный в память о сорокалетнем странствовании евреев по Аравийской пустыне под предводительством Моисея на пути из Египта в Землю обетованную. На все время этого праздника народ выходил из своих домов и жил в палатках, шатрах, которые сплетались из ветвей кустарников и деревьев и назывались *кущами*, а сам праздник – праздником кущей, или палаток. Время его приходилось на осень, после сбора урожая, когда весь народ был уже свободен и потому праздновал эти дни особенно весело.

В русском языке у существительного *куща* (род. п., мн. ч. *кущ* и *кущей*) существует сходное значение – ‘шатер, хижина, жилище’ (*трад. – поэт.*); кроме того, *куща* – это ‘листва, крона дерева (деревьев)’. Данное слово восходит к ст.-слав. *кут*, что означает ‘угол’. В болгарском и сербском языках слово с этим корнем значит ‘дом’. Производные от этого существительного сохранились в некоторых говорах русского языка. Ср., например:

– *закут*, *закута*, *закутка* (обл.) – 1) хлев для мелкого скота; 2) угол в избе около печи;

– *закуток* (и доп. *закуток*) – тесная темная каморка; укромный уголок.

Прил. *райские* образовано от существительного *рай* – ‘парк, сад’, о котором в книге Бытия сказано: «И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке; и поместил там человека, которого создал» (Быт. 2:8). И первые люди на земле – Адам и его жена Ева – вплоть до своего грехопадения, когда они были изгнаны из рая, жили в цветущем и изобильном Эдемском саду и наслаждались красотой райских кущей, т.е. пышных густых деревьев, в тени которых можно было найти тихий, укромный, уютный уголок.

Несомненно, что высокая стилистическая окраска БФ помогала достичь пафоса отрицания в отображении нового быта, который, прежде всего, проявился в отношении к мещанству. Мещанский покой и мещанская сытость воспринимались В.В. Маяковским как угроза для претворения в жизнь его футуристических утопий.

То же можно сказать и о бюрократизме, не раз высмеивавшемся поэтом. Например:

Ищите и обряцете!
Пойди и рящ ее!
Которая «входящая»,
А какая «исходящая»?
Обрящут через час-другой.

(*Бюрократиада*, 1922)

Данный отрывок является еще одним примером стилистического парадокса в результате взаимодействия архаичного БФ высокого стиля с контекстом. Этот прием помогает поэту достичь сатирического эффекта в высмеивании бумажной волокиты в государственных учреждениях.

Стихотворение «Прозаседавшиеся» (1922) является очередным выпадом поэта против бюрократизма:

Заявишься:
«Не могут ли аудиенцию дать?
Хожу *со времени она*». –
«Товарищ Иван Ваньч ушли заседать –
объединение Тео и Гукона».

Кроме стилистического несоответствия архаичного БФ и контекста, здесь можно отметить нарочитое неправдоподобие – гиперболизацию, безусловно, подчеркивающую иронический оттенок БФ. Выражение *со времени она* – старославянское по происхождению. *Оно* ('то') – устаревшее указательное местоимение краткой формы, которое указывало на что-либо очень далекое, давно прошедшее.

Хотя примеров употребления БФ без их трансформации можно привести еще много, однако значительно продуктивнее и эффективнее в стилистическом плане использование БФ в трансформированном виде.

Изменение порядка слов в БФ с сохранением его значения позволяет поэту добиться определенной выразительности и яркости образа в соответствии с рифмой и ритмикой стихотворения. Например:

Эта ставка
последняя у мира в игорне.
Слушайте!
Новая *проповедь нагорная*.

(*Мистерия-Буфф*, 1918)

Инверсия в данном БФ (ср. с прямым порядком – *Нагорная проповедь*) используется ради рифмы (в игорне – нагорная), но кроме того, усиливает экспрессивность оборота. Данный БФ восходит к конкретному событию, описанному в Новом Завете: «Увидев народ, Он взошел на гору; и когда сел, приступили к Нему ученики Его. И Он, отверзши уста Свои, учил их» (Мат. 5:1–2).

В своей проповеди Иисус выдвинул основные принципы, ставшие фундаментом христианского учения. У Маяковского значение важного и основополагающего учения в рассматриваемом БФ сохранилось и является образным выражением идей-заповедей самого автора.

Можно привести еще один пример изменения формы с сохранением значения:

Сколько их? Числа им нету.
Пяля блузы, пяля френчи,
Завели по кабинету
И несут повинность эту
Сквозь заученные речи.

(Кандидат из партии, 1929)

Исходная форма *несть им числа* объясняется тем, что данное выражение по своему происхождению старославянское, а значит архаичное. В книге Судей мы читаем: «Когда посеет Израиль, придут Маданитяне и Аммаликитяне и жители востока и ходят у них; и стоят у них шатрами, и истребляют произведения земли до самой Газы, и не оставляют для пропитания Израилю ни овцы, ни вола, ни осла. Ибо они приходили со скотом своим и с шатрами своими, приходили в таком множестве, как саранча. Им и верблюдам их *не было числа*» (Суд. 6:3–5).

В Библии характеристика, которую выражает БФ, применяется к врагам, то есть имеет отрицательный оттенок значения. В данном примере наблюдается трансформация БФ при помощи замены архаичного компонента старославянского происхождения на общеупотребительный, разговорный. Происходит снижение стилистической окраски БФ в соответствии со стилистикой контекста.

Интересно, что комического эффекта В.В. Маяковский добивался большей частью благодаря стилистическому несоответствию библейского оборота и контекста.

Таким образом, рассматриваемый оборот в значении количественной характеристики является гиперболой, усиливающей сарказм поэта в описании «блуз» и «френчей» как образов чиновников.

Интересен и такой пример:

Довольно!
Шерсть подымается дыбом!
Довольно, довольно!
Такой озноб.

(Мистерия-Буфф, 1918)

В данном отрывке можно отметить трансформацию БФ *волосы встали дыбом*, которая заключается в замене первых двух компонентов оборота на синонимичные. Вызвана эта замена содержанием контекста, так как слова эти принадлежат черту и являются реакцией на рассказ рабочих об их жизни на земле. Нужно отметить, что замена двух компонентов на их синонимы в данном случае усиливает не только комический эффект, но и ощущение реальности нереального сюжета, так как семантика рассматриваемого БФ яв-

ляется характеристикой эмоционального и физического состояния в результате какого-либо потрясения.

Анализируемый оборот восходит к конкретному отрывку из Библии: «Среди размышлений о ночных видениях, когда сон находит на людей, объял меня ужас и трепет, и потряс все кости мои. И дух прошел надо мною; дыбом стали волоса на мне» (Иов 4:13–15).

Приведем еще пример трансформации библейского оборота при помощи замены одного из компонентов синонимом:

И гаркнул я, сбившись
С поэтического тона,
Громче *иерихонских хайл*:
Товарищи!
Рабочими и войсками Кантона
Взят Шанхай!

(*Лучший стих*, 1926)

Известен БФ *иерихонская труба* (*иерихонские трубы*). Обратимся к Библии: «Тогда сказал Господь Иисусу [Навину]; вот я предаю в руки твои Иерихон и царя его... Пойдите вокруг города все, способные к войне, и обходите город однажды в день; и это делай шесть дней. И семь священников пусть несут семь труб пред ковчегом, а в седьмой день обойдите вокруг города семь раз, и священники пусть трубят трубами. Когда затрубит юбилейный рог, когда услышите звук трубы, тогда весь народ пусть воскликнет громким голосом; и стена города обрушится до своего основания» (И. Нав. 6:1–4).

Таким образом, в библейском контексте данное выражение имело прямое значение. Переносное же общеупотребительное значение БФ *иерихонская труба* (*иерихонские трубы*) используется как средство иронии в описании кого-либо или чего-либо невероятно громкого.

Замена В.В. Маяковским одного из компонентов на синоним грубопросторечной окраски снизило стилистику всего БФ. Такое снижение является нарочитым и выражает желание поэта усилить пренебрежение к поэтическому стилю (имеется в виду классический поэтический стиль) как к чему-то чуждому для «горлана» и «агитатора» Маяковского, для которого единение с народом в его радости революционных побед превыше стилистических норм.

Следовательно, индивидуально-авторское выражение *иерихонские хайла* используется В.В. Маяковским как образ поэтов-современников, воспевающих события того времени, и, несомненно, является ярким сатирическим средством.

Разнообразны способы стилистического использования Маяковским БФ, основанные на трансформации плана выражения. Однако такое измене-

ние формы БФ, которое не сопровождается изменением его значения, довольно ограничено и встречается не столь часто.

Иногда один из компонентов БФ имеет при себе зависимые слова (чаще всего определения), которые не может иметь в нормативном употреблении. Например:

Идите все, кто не вьючный мул.
Всякий, кому нестерпимо и тесно,
Знай: ему –
Царствие мое небесное.

(*Мистерия-Буфф*, 1918)

Этот отрывок представляет собой монолог человека из будущего. Монолог пародирует Нагорную проповедь Христа: «Приидите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мат. 11:28).

По замыслу автора, пьеса проникнута духом интернационализма и должна совместить в себе возвышенное с низменным, вечное с сегодняшним днем. А определение *мое* позволяет понять этот БФ расширительно; в нем подчеркивается, что Царство Небесное как символ недостижимого места, куда необходимо стремиться, где все обретают покой, это Царство принадлежит человеку из будущего. Человек из будущего предлагает это Царство людям при жизни как место, реально существующее в настоящее время.

Этот прием трансформации БФ обусловлен нарушением обычных отношений и связей между словами и фразеологизмами в речи, т.е. возможностью сочетания со словами такого лексического ряда, с которыми БФ как единица языка в пределах нормы сочетаться не может. Допущение таких сочетаний всегда связано с какими-то сдвигами в семантике: или значение понимается расширительно, или подчеркиваются какие-то особые оттенки этого значения, или, наконец, одно значение заменяется другим. Например:

Где дрожали тельцем,
Не вздымая глаз свой
Даже до пупа
Биржевика-дельца,

Маркс повел разить
Войною классовой
Золотого, до быка
Доросшего тельца́.

(*Владимир Ильич Ленин*, 1924)

Поэма «Владимир Ильич Ленин» является произведением, композиционно построенным по аналогии со Священным Писанием. Первую ее часть пронизывает мотив всеобщего ожидания Спасителя. До появления Спасителя с идеями новой религии люди поклоняются идолу. Похожий сюжет мы встречаем и в Библии: «И сказал Господь Моисею: поспеши сойти (отсюда); ибо развратился народ твой, который ты вывел из земли Египетской; скоро уклонились они от пути, который Я заповедал им: сделали себе литого тельца, и поклонились ему, и принесли ему жертвы, и сказали: «вот бог твой, Израиль, который вывел тебя из земли Египетской!» (Исх. 32:7–8).

Телец был золотой, а золото – символ могущества и богатства. Вспомним, что Вавилонская империя представлялась в виде золотой головы (Дан. 2:38). Итак, в результате метафоризации этого оборота в русском языке возник БФ *золотой телец*, означающий ‘деньги, богатство’.

У В.В. Маяковского этими идолами являются «биржевики-дельцы». В результате расширения компонентного состава БФ происходит нарушение непроницаемости фразеологизма, возникает гипербола, усиливающая комический эффект.

Выразительным и весьма продуктивным приемом использования БФ в стилистических целях является образование новых, индивидуально-авторских оборотов по моделям существующих БФ с использованием как их структуры, так и компонентов. Например:

Мой рай для всех,
Кроме *нищих духом*,
От постов великих вспухших с луну.
Легче верблюду пролезть сквозь игольное ухо,
Чем ко мне такому слону.

(Мистерия-Буфф, 1918)

В.В. Маяковский использует здесь выражение *нищие духом*, означающее у поэта ‘недалеких, ограниченных, лишенных духовных интересов людей’ (см. Нагорную проповедь Иисуса Христа; Мат. 5:3), а также часть известного оборота *Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому войти в Царство Небесное*, который тоже встречается в речи Иисуса: «И еще говорю вам: *удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Небесное*» (Мат. 19:24).

Таким образом, вторая часть этого оборота является индивидуально-авторской. В этом отрывке поэт высмеивает попов, предстающих в образе слонов. Несомненно, что данная трансформация является ярким образным средством, усиливающим сатирический эффект.

Заметим, что этот прием широко применяется при употреблении БФ в предикативной форме. Например:

Кусок для рабочих отрежь и дай им.
Слышишь, города кричат: «Голодаем!»
Голодным крестьянам, твоим братьям,
Надо отрезать кусок и дать им.
А буржуев к чертям из хлебных мест, –
«*Не трудящийся да не ест!*»

(*Окна сатиры РОСТА*, 1920)

Маяковский трансформирует исходную форму – *Кто не работает, тот не ест* – путем замены первой части на синонимичный компонент, при этом происходит сужение компонентного состава данного оборота.

Очень часто для создания остроумного изречения используется не сам БФ как таковой, а лишь его общий образ или структура. В этом случае исходная форма данного оборота является ключом к пониманию нового, индивидуально-авторского построения [2. С. 113–114]. Например:

Внедряйся в сознание масс,
Рассвирепевших от хождения:
Учреждения для нас,
А не мы для учреждения!

(*Размышления у парадного подъезда*, 1928)

В основу выделенного оборота легло библейское выражение *Суббота для человека, а не человек для субботы*, которое восходит к словам Иисуса из Нового Завета: «Он сказал им: неужели вы никогда не читали, что сделал Давид, когда имел нужду и взалкал сам и бывшие с ним? Как вошел он в дом Божий... и ел хлебы предложения, которых не должно было есть никому, кроме священников, и дал и бывшим с ним? И сказал им: *суббота для человека, а не человек для субботы*» (Мар. 2:25–27).

Иисус выступал с критикой фарисеев против их формальной религиозности, в которой не было места любви к человеку. В.В. Маяковский использовал этот оборот, критикуя бюрократизм и равнодушие чиновников к людям.

Обратимся к следующему примеру:
Вот почему, если красный просит
Пуд – давай тридцать:
Все возвратится к тебе сторицей.

Лозунг образован по модели оборота из Нагорной проповеди: «И кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя дай...» (Мат. 5:40–42).

Содом упоминается в качестве грозного предупреждения всем, ведущим нечестивую жизнь. Поэт использует имя растленного города как нарицательное, чем усиливает обобщающий эффект образа.

Можно сказать, что сам В.В. Маяковский в поэме «Война и мир» уподобляется Христу, который берет на себя всю тяжесть человеческих грехов. Футуристический план этих несущих всепрощение «новых идей», воскрешения планеты раскрыт в теме рождения новых людей, которые будут милосерднее Бога:

Ко всем, кто зубы еще злобой вощемил,
Иду в сияющей глаз заре.
Земля, встань тыщами
В ризы зарев радостных *Лазарей!*

Лазарь – имя двух лиц, упоминаемых в Евангелии: нищего в притче о бедном Лазаре и брата Марфы и Марии, которого Господь воскресил из мертвых. Положительность библейских образов обоих Лазарей усиливает пафос данного отрывка.

Приведем еще один пример употребления библеизмов В.В. Маяковским:

Это взвело на *Голгофы* аудиторий
Петрограда, Москвы, Одессы, Киева,
И не было ни одного, который
Не кричал бы: «*Распни, распни его!*»

(*Облако в штанах*, 1914–1915)

В этой поэме поэт предстает глашатаем революции со своим Вифлеемом, Рождеством и, конечно, распятием на Голгофе.

В поэме можно увидеть еще одну трансформацию образа Голгофы:

Видишь – опять
голгофнику оплеванному
предпочитают Вававву?

Употребление данного индивидуально-авторского библеизма с определением *оплеванному* усиливает выразительность образа, показывающего всю глубину унижения, которому подвергают Иисуса его палачи.

Приведем еще один пример использования имен собственных как нарицательных в трансформированной форме:

А в рае опять поселим *Евочек*:
Прикажи, – сегодня ночью ж

Со всех бульваров красивейших девочек
Я натащу тебе.

(*Облако в штанах*, 1914)

Данная словообразовательная форма является результатом объединения двух противоположных значений: *дева* ('девственница') и *девочки* ('проститутки'). Необходимо отметить, что слова *Ева* и *дева* связаны этимологически, поскольку нарицательное имя существительное *дева* произошло от библейского имени *Ева* (евр. *Хева*).

В произведениях Маяковского можно встретить и глагольные авторские образования от библейских существительных.

Например:

Видите – небо опять *иудит*
Пригоршню обрызганных предательством звезд?

(*Облако в штанах*, 1914–1915)

Здесь новый (авторский) глагол образован от имени собственного *Иуда*. Примечательным является употребление существительного *предательство*, которое семантически объясняет и стилистически подчеркивает рассматриваемый глагол. Он образован при помощи глагольного окончания 3-го лица ед. ч. наст. вр.

Похожий библеизм можно встретить и в виде глагола, образованного уже префиксальным способом.

Меньшевики такие люди –
мамашу могут *проиудить*.

(*Итого*, 1918)

Контекстуальное, индивидуально-авторское значение этого глагола – 'продать; предать'.

Итак, среди наиболее часто встречающихся у В.В. Маяковского стилистических приемов можно выделить такие, как стилистический парадокс, нарушение непроницаемости БФ, замена компонентов БФ на синонимы, использование библейских имен собственных в качестве нарицательных, образование индивидуально-авторских оборотов.

Данные стилистические приемы приводят к таким эффектам, как ирония, комизм, сарказм, а также, являясь яркими метафорическими средствами, усиливают патетику и пафос произведений.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. Перепечатано с Синодального издания. – Изд. 2-е. – М., 1988.
- [2] Дубровина К.Н. Лингвистические основы стилистических приемов в использовании фразеологизмов в художественной литературе и публицистике // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Лингвистика». – 2005. – № 7. – С. 100–118.
- [3] Дубровина К.Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. – М., 2010.

STYLISTIC USAGE OF BIBLISMS IN THE POETRY AND PROSE OF V.V. MAYAKOVSKY

K.N. Dubrovina

The General and Russian Linguistics Department
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article describes peculiarities of stylistic usage of bibleisms in the creative works by V. Mayakovsky. The stylistic means and devices are treated both with transformations or without them, and authors individual expressions using the content and models of the Bible are analysed as well.

Key words: image, bibleism, stylistic usage, stylistic pattern, stylistic paradox, transformation.